

ВЯЧЕСЛАВ СОРОКИН

ДНЕВНИК

БРАТА МИЛОСЕРДИЯ

Вячеслав Сорокин

Дневник брата милосердия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69264031

SelfPub; 2023

Аннотация

Сестра милосердия – несомненный символ христианского сострадания и любви к Богу и ближнему. Её путь, её внутренний мир вызывает живой отклик и интерес, так как бескорыстная любовь становится в наши дни чрезвычайной редкостью. Взглянуть на этот мир не снаружи, а изнутри и мужским взглядом – вот что придает особую ценность этим искренним дневниковым записям. Служение ближнему – это не просто делание добра – это таинство Церкви и самой Жизни, дающее реальный опыт Богообщения. Истинность такого духовного опыта многократно подтверждается на деле радостью и благодатью, а сам опыт постепенно начинает распространяться на все сферы жизни. Становление в этом необычном опыте, взлёты и падения, сомнения и прозрения, восхищения и разочарования, уныние и мгновенное преображение души – об этом откровенно рассказывает дневник брата милосердия, которым я однажды стал.

Содержание

Вступление	4
Милосердие вошло в мою жизнь	6
Иди и люби	10
Первая встреча с насельницей	13
Рождение брата милосердия	17
Второе посещение	21
Богадельня – это чудо	27
Целых три бабушки	32
«Случайная» встреча	35
Взгляд со стороны	41
Осмысление	43
Делиться любовью	47
Всесилие любви	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Вячеслав Сорокин

Дневник брата милосердия

Вступление

Этот дневник я вёл в течение года с небольшим. Или же он вёл меня. Скорее всего – второе.

Меня трудно назвать полноценным братом милосердия в полном смысле этого слова, так как милосердие для меня было только поводом для встреч со служебной благодатью, дающей просто так всякому, готовому сделать шаг навстречу послушанию... К тому же, как вы увидите, я постоянно бываю подвержен приступам уныния и неверия. Что касается повседневных страстей – я их несколько не чужд и с многими из них вы столкнетесь на страницах моего дневника. В этом я как раз совершенно обычный и заурядный человек.

Тем не менее, есть нечто, достойное того, чтоб быть рассказанным. Это – действие Божьей благодати на меня, как брата милосердия, подтвержденное и засвидетельствованное другими сёстрами милосердия и заверенное духовником сестричества – отцом Валерием.

Пережитое и описанное на этих страницах не сделало меня ни святее, ни даже хоть немного лучше. Положительные изменения в человеческой жизни и в познающем Бога серд-

це накапливаются годами, прежде чем смогут проявиться в реальности и стать личным достоянием. Однако всё произошедшее оставило в моей душе глубокий след – память о явном присутствии Бога в повседневной жизни и сделало меня самого свидетелем настоящего чуда. Остаться после этого прежним уже невозможно...

Милосердие вошло в мою жизнь

страница, написанная мною 02.06.2016 отдельно и включённая в дневник

Милосердие вошло в мою жизнь, – как и всё Божье – неожиданно. Ранее я об этом помыслить даже не мог и никак не связывал себя и милосердие. Где вообще я и где – оно.

Я, как и следует мужчине, традиционно, так сказать, стремился к Пути аскезы, молитвы. Поэтому предложение духовника стать братом милосердия явилось для меня полной неожиданностью!

Доверяя своему духовнику, я решил хотя бы не противиться, тем более, что по мере опытного познания своей немощи я понимал, что ни аскеза, ни тем более молитва не приживаются на каменистой почве моего сердца.

Слегка отдышавшись, немного смирившись и приняв милосердие, как рабочую версию, которую следовало проверить на практике, я всё равно понимал, что передо мной стоит масса проблем:

– женский коллектив – что мне, бородатому, делать среди этих девчат в платочках? Смех и только.

– непрофильность – у меня нет медицинского образования, да и судно под бабушку подкладывать я точно не стану.

– отсутствие задатков милосердия – до сих пор в моей

жизни оно мне было, мягко говоря, не свойственно, если не сказать больше: я грубый, резкий и жёсткий человек.

– само название «сестра милосердия» – но я же не сестра! Ну хотя бы брат. Вот только на ектениях в своих прошениях батюшка об этом всегда забывает. И во всех существующих учебниках милосердия написано только о сёстрах. И во всех исторических справках о милосердии везде кругом одни только женщины и сёстры.

– вся информация о милосердии практически всегда подается в параллели с женскими штучками, разве что Лука Войно-Ясенецкий – приятное исключение из правила.

– необходимость молиться Марфе и Марии, а не Арсению Великому, к примеру. Согласитесь, молиться Марфе и Марии для мужчины – это совсем не круто.

* * *

На этом пути Господь давал мне подсказки, какие-то проблески. Например, Литургию Любви – редкую, давно забытую службу, почти изъятую из служебников. Кажется, кроме нашего храма её уже не служат нигде. По крайней мере мне об этом ничего не известно... Вслушиваясь в её необычные прошения, я понимал, что мне это точно нужно.

После моего посвящения в испытываемые – первую ступень на пути к обету милосердия – подсказки стали проявляться ещё более ярко:

– во мне появились проявления внимания к чужим, совер-

шенно посторонним мне людям. Это трудно не заметить, так как раньше в похожих ситуациях я просто прошел бы мимо;

– возникло устойчивое желание мирно решать конфликты, что мне вообще-то не свойственно;

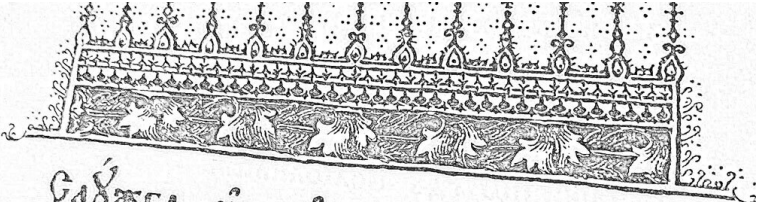
– внутри росла готовность отдавать свое время и силы другим. Это точно не моё – мне на родных-то всегда было жаль время тратить.

Как побочный эффект, возникло уважение к супруге ввиду того молитвенного труда, который она несет.

После её рассказов о взаимоотношениях с назначенной ей насельницей Клавдией С., невозможно было не увидеть руку Божию, направляющую сестру милосердия.

Из-за всего вышеперечисленного Путь Милосердия начал казаться мне не только привлекательным, но и самым доступным из всех для меня возможных.

По мере вникания в тему, особенно после разбора ступеней посвящения сестры милосердия, мне стало совершенно ясно: ступень испытываемого – это серьёзный этап перехода от розовых псевдохристианских иллюзий к реальному действию. А сам Путь Милосердия – это Путь ко Христу, в русле общего Пути христианина, ведомого Промыслом Божиим.

СЛУЖБА ѿ оумноженiи любви

На проскомидiи:

О ДИ ІИСЕ ХРТЕ БЖЕ НАША, ЗАПОВѢДЬ
НОВЮ ДАВШИ ОУЧЕНИКОМЪ ТВОИМЪ,
ѢЖЕ ЛЮБИТИ ДРУГА ДРУГА, ПРИИМИ ЖЕРТВУ
СЮ ВО ѿСТАВЛЕНIЕ ГРЕХѠВЪ ВСѢХЪ ...!
ПРАВОСЪРДНЫХЪ РАБИ

Иди и люби

осень-зима 2017 года, Сергеево

Отец Валерий сказал: «Просто иди и люби её. Держи её в объятиях любви и не отпускай».

В другой раз еще добавил: «Когда будешь у неё – не думай о времени, почувствуй, как это – побыть в Вечности».

Перед тем, как пойти к насельнице, вечером, я сказал своей маме: «Знаешь, я испытываю странные чувства. Например, я буду спрашивать насельницу о том, что она любит и при этом совесть будет укорять меня, так как тебя, мама, я никогда не спрашиваю об этом; я буду интересоваться – как она себя чувствует, а совесть снова зазрит меня, ведь я редко задаю тебе этот вопрос; а если я поеду купить насельнице что-нибудь вкусного, неужели я не задумаюсь о том, что ничего не покупаю тебе...»

Так я и пошёл к Вере Пампушкиной. По послушанию. Долго о.Валерий вымаливал мне это моё послушание. Сначала я робел сильно, именно не страх, а какая-то неясная робость нападала на меня.

В то же время параллельно росла белая зависть – глядя на Любу С., на других сестёр милосердия, которые что-то пытались «делать» со своими насельницами, мне тоже хотелось присоединиться к их опыту, точнее прожить свой собствен-

ный.

Последней каплей стали отзывы сестёр Лены Ф. и Гали С. – я ясно увидел и осознал, что взаимодействие с насельницей – это такой реальный способ общения Бога с сестрой милосердия, её спасения по послушанию, её утешения и облагодатствования. Процесс очень творческий и, гмм... как бы это правильно выразиться – эксклюзивный. То есть в каждой паре (сестра + её подопечная) Бог действует оригинально, неповторимо и всегда эффективно.

Ещё у меня было чувство долга и братское чувство себя, как части сестричества – я же брат милосердия, обет хоть и дан и действует, но должен быть раскрыт, а для этого требуется личный труд. Хотя первых ласточек этого раскрытия я начал ощущать с самого момента посвящения:

Во-первых – я стал чувствовать готовность помочь любому пожилому человеку, инвалиду, насельнице, которые попадались мне на пути. Этого раньше я за собой не замечал. Естественно, я не мог не обратить внимания на произошедшее со мной изменение.

Во-вторых – разговоры о том, что у посвященной сестры милосердия должен быть минимум посещения богадельни, общения с насельницей и не выполняющая этот минимум сестра должна быть понижена в ступени, – достигали моих ушей. Но я ничего не мог с собой поделать. Я просто никак не мог приступить к этому делу и ждал, когда для меня лично откроется этот Путь.

Я утешал себя тем, что у меня и без того немало технических послушаний по приходскому сайту и организации сестрических Литургий, но в душе осознавал, что избегаю чего-то очень важного.

Наконец Господь устроил так, что появилась возможность за пару месяцев переложить практически всю деятельность по сайту на Андрея К. и я счел это ещё одним указанием на то, что пора переходить к делу. На исповеди о.Валерий говорил мне сначала, что найдут мне послушание по силам. Потом сказал, что уже почти знает, кто моя насельница. И, наконец, объявил мне, что моя бабушка – Вера Пампушкина и это подтвердили и матушка Нина, управляющая богадельни и старшая сестра.

С этого дня духовник начал поторапливать меня, чтоб я не откладывал встречу с ней. Я решил начать в четверг после еженедельной встречи сестричества. Но не удержался и уже в среду забежал к ней буквально на одну минуту, вскользь отметив, что всё должно пойти гладко, так как в сердце не было противления послушанию.

Первая встреча с насельницей

14 декабря 2017 года, храм А.Критского, богадельня

После сестрических занятий, договорившись с Любой (сестрой милосердия 2-ой ступени и моей супругой), которая тоже в этот день посещала свою насельницу, – что она вернет меня к «реальности», я взял стул и со стулом пошел к Верочке Пампушкиной в палату. В палате кроме как на стульях-горшках, сидеть было больше негде, а гордынька моя на горшок присесть не смогла.

Вера Пампушкина сидела на кровати и пела песни, одновременно разминаясь и вертясь во все стороны. Песни были простые, бесхитростные, немного старинные – из тех, что поются на гуляниях, частушечного типа. Первое, что было мною подмечено – мой **неподдельный интерес к происходящему**. Вера доставала из своей тумбочки бусики, фотографии не известных ни ей ни мне людей, какие-то старые поздравительные открытки... а мне, как ни странно, было интересно этому внимать, на это смотреть.

Ещё был **интерес к другому человеку** – чем он живёт, что любит, о чём думает. В жизни редко удержишься возле человека – некогда же! даже возле своих близких. Я вспомнил какие-то далёкие и давно забытые мной времена, когда я мог уделить человеку столько времени, сколько необходи-

мо. Действительно, человеческое общение стало роскошью – я даже собственным детям не могу позволить выделить полчаса времени, чтобы просто мирно и неспешно пообщаться о том, о сём. Всё это я подметил и почувствовал.

Также в душе была тихая такая **радость и свет** и **хотелось помочь** любому, кто был в поле зрения. В палате, кроме Веры Пампушкиной находилось ещё двое насельниц – одна спала, а вторая то садилась на кровати, то снова ложилась. И эти интерес, внимание, **готовность и желание прийти на помощь**, устроить другого человека, **послужить** ему также необъяснимым образом распространились на эту вторую насельницу.

Я помог Верочке сесть, потом подошел и поговорил с ней, потом в третий раз она меня уже сама поманила рукой, чтобы я помог ей забраться на кровать. В её глазах (Господи, как давно я не заглядывал людям в глаза!) я видел явное недоумение – почему ей оказываются такие знаки внимания? наконец она не выдержала и спросила меня – почему я выбрал такую странную работу? На что я ответил, что работаю в другом месте, риэлтором, а сюда пришел в гости, навестить – и в том числе её тоже. Я видел, как понемногу она оттаивала. Один раз я так близко приблизил своё лицо к её, что мог разглядеть все рябинки, морщинки и родимые пятнышки на её лице. И это не отталкивало.

Кстати, когда я присел к Вере Пампушкиной в первый раз – шибануло в нос чем-то больничным. Потом я и не заме-

тил, как это чувство прошло, не превратившись в привычную брезгливость.

Верочка тем временем продолжала свои песенки. Она повторяла один и тот же куплет несколько раз, потом перескакивала на другой. Снабжала свои песни комментариями, отступлениями, пояснениями и даже, – когда пела считалку с немецкими числительными, – переводом.

Не знаю почему, но я чувствовал небольшой привкус горечи от этой веселости. Вспоминал, как я сам, съедаемый унынием изнутри, всегда считался душой компании, весельчаком... Казалось, что эта её веселость не настоящая, очень хотелось пройти куда-то дальше за неё, увидеть саму душу, самого человека, а не запись, пусть и в памяти.

Вспомнились даже цыганки – однажды, когда у моей Любы сняли с пальца обручальное кольцо, я некоторое время настойчиво ходил к цыганкам в Смоленске, чтобы постичь принцип их воздействия на человека. Ходил, пока они не начали от меня убегать. Так те цыганки тоже воспроизводят, словно запись, довольно длинный туманно-мистический текст, но когда доходят до конца, а результат ещё не достигнут, запускают его с начала, словно пластинку...

Верочка на меня реагировала слабо. Оно и понятно – кто я такой? Заметил, что она совершенно не жадная, неприхотливая, довольно религиозная. Выяснил, что она не любит сладкого, а лакомится солёными огурцами и помидорами.

Пришел отец Валерий, зашёл в палату. Он преподавал мне

очередной урок, усевшись нимало не смущаясь, прямо на крышку предложенного Верочкой горшка и сказал, что я – её родственник, который нашелся, ибо мы верующие, а верующие все во Христе родные.

Зашла старшая сестра Людмила и я начал чувствовать, что эта публичность как-то нарушает сложившуюся атмосферу, не знаю почему. Потом появилась Лю (так коротко и ласково я иногда называю свою жену) и сказала, что уже пора. Не без сожаления, расцеловав Верочку в щёки, я отправился домой.

Какие-то капли этой радости мне удалось прихватить с собой. Необычно было и то, что я **ни разу не вспомнил о времени**, не посмотрел на часы, пока был в палате у Веры, обычно это вызывает у меня совершенно определенное беспокойство. Удивительно было также и то, что я сразу же зашел писать братский дневник, даже не терпелось всё точно описать и я жалел, что не делал пометки во время встречи, т.к. что-то при этом ускользнуло из памяти.

И ещё осталось **ощущение состоявшегося чуда**. Такое похожее чувство я испытывал ранее всего несколько раз, служа в алтаре храма Неупиваемой Чаши на заводе АТИ и при этом близко общаясь с о.Иоанном Мироновым. Похоже оно было по насыщенности, включенности в ситуацию, ощущению глубинной значимости всего происходящего, радости и спокойной благожелательности, сохраняющимся некоторое время в душе.

Рождение брата милосердия

15 декабря 2017 года, дом семьи Сорокиных

Дневник писал ночью. Оставил распечатанный лист на столе в кухне, чтоб Лю утром прочла тоже. Утром просыпаюсь... ещё только светает... лежу на кровати, а в груди – вход на небо.

Трудно объяснить как это, но вспомнилась сразу лестница Иакова. И ещё о.Валерий – я спрашивал его однажды, мол, где находится внимание, когда идёт Иисусова молитва? о.Валерий показал ладонями обеих рук куда-то неопределенно на верхнюю часть груди и сказал: «Где-то здесь». Вот «где-то здесь» и клубилось теперь открытое небо и даже шла понемногу Иисусова молитва, но она была не просьбой, не покаянием, а как бы способом удерживать это окно открытым.

Лежу в полутьме и благодарю Бога. Отец Валерий, помнится, рассказывал нам про Зырянова, который лицом к стене пролежал несколько лет кряду в созерцании – как я его в этот момент понимаю! – не хочется лишний раз шевельнуться, не то, что встать с постели, – чтоб не ушло это чувство отверстого неба.

* * *

Чуть позже утром зашла в комнату Лю. Вернула записи.

Сказала, что всё прочла и вся обрыдалась. Обняла и поздравила с рождением брата милосердия. И я, с трудом выпутавшись из-под одеяла, сердечно обнял её и вспомнил, что в детстве мы называли друг друга братом и сестрой, пока блудные движения моей души не взяли верх и не разрушили этого невинного единства. А вот Бог взял и через 27 лет восстановил это наше наименование таким необычным способом. Что это было – предзнаменование? Пророчество? Или может каждое выпорхнувшее из уст человека слово рано или поздно становится делом? Одно знаю точно – в чувстве юмора Богу отказать невозможно.

* * *

И утром, глядя, как сын вредничает и сердится, а Лю раздражается и повышает тон, я находился немного над ситуацией, благодаря той радости, которую мне даровал Бог, и которая не закончилась и после того, как я покинул богадельню. А что я сделал? Ничего. По послушанию посидел напротив насельницы. Чудо!

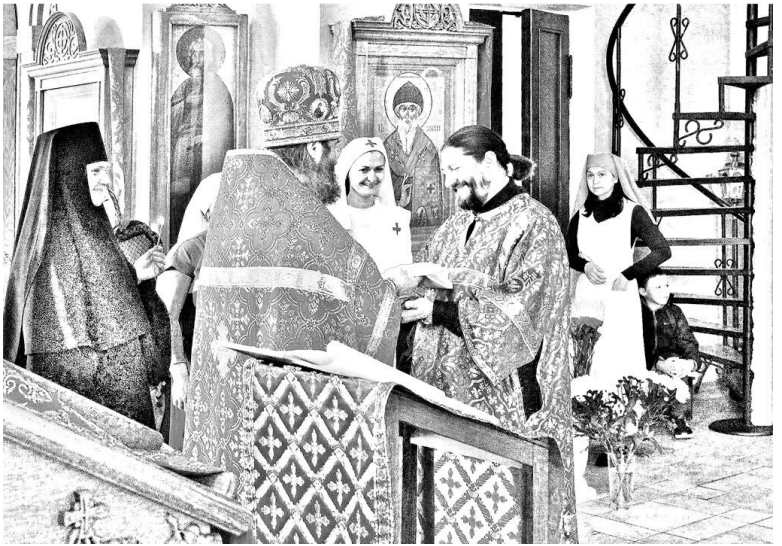
* * *

Потом, позже, когда я отправился на работу, чувствовал уже только умиротворение. Сознание хотело бы всё вернуть обратно, но я вполне отдаю себе отчёт, что не в моих силах перекинуть обратно этот разведённый мост. И всё, что я могу, – это стоять на краю этого мира, не уходя вглубь его, и

с надеждой смотреть туда, откуда этот мост был вчера перекинут.

* * *

Конечно, весь день прошёл в лёгком послевкусии произошедшего. К вечеру стал склоняться к мысли, что это был рекламный ролик, типа высота, которая была таким образом показана и которая может при известном труде быть достигнута в богадельне. Однако Лю на это мне сказала, что сестра милосердия всегда получает это же самое каждый раз, когда приходит к насельнице. И посоветовала, когда будет плохо на душе – идти в богадельню и она растворит всё этой своей благодатью. Охотно верю, так как сам видел, как это происходило ранее с Лю.

Второе посещение

19 декабря 2017 года, храм А.Критского, богадельня

Сегодня Господь выманил меня в богадельню под видом управляющей богадельней м.Нины и под предлогом сфотографироваться с Верой Пампушкиной. Я был несказанно рад этому, потому что мне было очень интересно, как на этот раз пройдёт посещение богадельни. Также я желал избавления от тяжёлого давящего депрессивного состояния, а Лю сказала мне ранее, что для этого богадельня – лучшее лекарство. В этом вопросе, кстати, мне достало веры – я ничуть не сомневался в её словах и потому поехал в храм без всяких сомнений.

Фотосессия была очень короткой, но, благодаря этому, я оказался одет в халат брата милосердия (в прошлый раз я постеснялся надеть его, теперь понимаю, что напрасно), а Вера Пампушкина и я оказались в столовой за одним столом. Я принёс ей в банке несколько солёных огурцов домашнего приготовления, т.к. она в прошлое моё посещение сказала, что не любит сладости, а любит солёное.

Вера ела огурцы, я сидел с ней рядом и чувствовал, что я очень к ней расположен. Необъяснимо. Без всякой причины. Она была мне словно любимая родная бабушка. Я попросил её молитв. Сегодня она больше узнавала меня – я чувствовал

её взаимную расположенность.

Так как в столовой были сёстры Люда В. и Ира Ф., то я предложил им позаниматься совершенствованием их навыков чтения по-церковнославянски, радуясь тому, что я никуда не спешу и могу уделить им достаточно времени. Ира внезапно, ссылаясь на то, что солёное Верочке может повредить, отобрала у неё банку с огурцами, и я почувствовал себя мамашей, привезшей в пионерский лагерь детям запрещенные продукты. И мне, как и полагается мамаше, очень хотелось, чтоб Верочка наелась.

В столовую вошла на ходунках вторая бабушка, Зинаида, соседка Веры по палате, и я снова уловил какое-то приятное движение души по направлению к ней. Видимо я, как утка, которая считает мамой того, кто оказался рядом в момент вылупления – в момент рождения брата милосердия полюбил исключительно тех, кто был тогда со мной рядом.

Несмотря на протесты Иры Ф. и её заявления о том, что бабушка совсем глухая (будто бы она за словами пришла – люди к людям приходят за любовью и вниманием), я предложил ей присесть с нами за стол. Поцеловал её – она осторожно отстранилась. Ира жестом отправила её на дальний край стола – я не спорил.

Я был совершенно не в курсе, что Ира и Люда прямо сегодня в течение рабочего дня находились друг с другом в таких контрах, что уже едва выносили друг друга. И вот что устроил Господь: он собрал печального, подавленного, депрессив-

ного меня, вспыхивающую раздражительную Иру и сердитую мнительную Люду и, усадив за одним столом, стал посреди нас. И наша импровизированные занятия потекли в очень интересном направлении.

Сёстры читали, останавливались на тех местах, значения которых они не понимали, я «переводил» как мог их прямой смысл и духовное значение и через некоторое время мы все трое оказались в некоем пространстве, которое о.Валерий на занятиях называет «реальностью Любви». Это произошло хоть и постепенно, но, как всегда, очень неожиданно. Потому что к этому чуду нельзя никак привыкнуть.

Лица Люды В. я не видел, но заметил, как изменилось лицо Иры Ф. – ушло тяжелое мрачное напряженное выражение, так сковывающее её черты, волосы выбились из-под платка и она стала простой и естественной. Мои подозрения о надетых на нас Господом розовых очках Любви подтвердила Ксения Р., вошедшая в комнату. Она мне тоже показалась необычно красивой, словно бы даже моложе обычного лет на пятнадцать. Я сразу вспомнил, как о.Валерий всегда, видя нас, приговаривает:

– Какие ж вы все красивые!

Наверное, он эти розовые очки любви снимает только, когда ложится спать. Ксения посидела с нами некоторое время и потом тихо отправилась по своим делам. Заходила и Лена Ф., перекинулась с нами несколькими фразами.

В тот момент, когда я вдохновенно рассказывал о том, как

каждый хочет поделиться с другими радостью, начиная от Св.Троицы и заканчивая отцом Валерием, позвонил о.Валерий, словно почувствовал, что мы говорим о нём, и, узнав, что мы занимаемся в богадельне – обрадовался и сказал, что тоже скоро приедет. Буквально примчится.

Два часа в богадельне пролетели, словно пять минут. Мы разобрали всего две молитвы из молитв к Причащению и единственный псалом из службы 6-го часа, но так углубились в них, что каждому что-то открылось. Веру Пампушкину тем временем усадили за стол и дали супчика.

Когда мы закончили, Ира Ф. стала сердито убирать от Верочки еду, мотивируя это тем, что ей потом нужно будет ужинать, а она уже будет наевшаяся. Я не стал спорить с Ирой, не желая разрушать сложившееся умиротворение. Хотя это, конечно, полный абсурд – разрушать мир и любовь ради мнимого порядка. Вместо спора я мысленно сказал сам себе: «А сколько раз на дню я поступаю точно так же»? Понятно было, что моя жизнь до краёв наполнена тем же самым абсурдом.

Пришел о.Валерий и мы слетелись к нему, чтобы погреться в лучах его отеческой заботы и внимания. Сёстры поделились своими впечатлениями, тем, как вдохновили их занятия с текстом. Он заулыбался. Приятно было видеть, что он радуется каждому нашему ничтожному шагу, сделанному по направлению к Богу, вдвойне радуется – когда эти шажки мы совершаем совместно.

Отец Валерий сказал, что был тронут моим отзывом, который я ему прислал накануне, что это вселяет надежду на спасение и это некий прорыв, новый этап. Я и сам это чувствую. Дай Бог, молитвами моего духовного отца, двигаться по этому открывающемуся передо мной пути. Впервые фразу «брат милосердия» я слышу без того, чтобы совесть меня укоряла. Может быть, и вправду из меня когда-нибудь выйдет что-нибудь путнее?

Ещё он сказал, что стоит за это благодарить. Согласен. Спасибо, Боже, что так печешься обо мне. Выстраиваешь обстоятельства, лишь бы дать шанс не погибнуть моей жалкой и никчемной душе.

Уходил я с большой неохотой... Буквально заставлял себя. Чувствовал себя Адамом, которого ангел времени выгоняет из рая, где всегда светло от мысленного Солнца и тепло от незримой, но осязаемой Божьей Любви.

По возвращении хожу по дому радостный, благостный, счастливый. А уходил таким тяжёлым и раздавленным, что Лю – это она сказала мне только сейчас – даже перекрестила меня вслед и помолилась, чтобы мне в богадельне воспринять духом. Ну она-то знает в этом толк, я же только начинаю разбираться.

И ещё одна чудесная примета: пишется братский дневник! И у Любы то же самое. Сколько месяцев (а может быть даже и лет) мы пытались вести личный дневник – это не получалось... А сестрический/братский пишется сам собой. Остав-

ляешь все дела и пишешь. Не специально. Не сам. Силы на это даёт Господь. Удивительно!

исходящем в богадельне. Доклад прекрасный – я хотел бы еще раз его перечитать. Больше всего меня поразило – она метко подметила, – что одно дело – любить тех, кого мы выбрали – это любовь мирская, земная, страстная... и совсем другое дело – любить по послушанию, по Богу, ради Христа.

Именно привитием к своей душе этой второй любви и заняты сестры (а теперь, с Божьей помощью, ещё и братья) богадельни. Я с ней совершенно согласен и могу сказать даже более того – я совершенно не в состоянии любить своих ближних, домашних так же чисто и бескорыстно, как это происходит здесь в богадельне.

Сидел на занятиях, а сердце так и прыгало от радости оттого, что Вера Пампушкина находится рядом, за стеночкой, буквально в двадцати шагах от того места, где я сижу. Такое чувство, как некогда в армии, когда почтальон принёс и вручил тебе письмо от любимой, оно лежит у тебя за пазухой и греет душу, прочесть ещё не можешь – обстоятельства не позволяют, а предвкушение радости от предстоящего прочтения уже есть!

Отец Валерий объявил сёстрам о рождении брата милосердия и попросил меня прочесть свой отзыв о первом посещении насельницы. Я прочитал, не смея глаз поднять на сестер – отчасти от какого-то стыда, отчасти от того тяжелого состояния, в котором находился, отчасти от набегавших иногда слёз умиления. Были и смешные моменты, над которыми мы все от души посмеялись. Я чувствовал собранное

внимание сестёр. Видел одобрение м.Нины.

Пока читал – заново пережил этот благотворный для души и радостный для сердца опыт. Духовник по окончании заметил, что есть сходство с докладом м.Нины. Наверняка так и есть. Я лично заметил только, что мы с ней использовали одно и то же не самое стилистически уместное слово – эксклюзивный – в отношении происходящего в богадельне. Да, то, что здесь происходит не вмещается ни в какие рамки и никогда прежде не было описано! Такие вещи всегда были индивидуальны, личны... а чтобы вот так раз! и по мановению невидимого перста два десятка сестер милосердия раскрылись в этом делании – об этом я ещё не слышал.

Отец Валерий сказал в момент вручения бейджика Наталье К., что в 90-е годы Господь вкладывал в строительство Церкви цельные кирпичи, а потом уже начал подбирать и осколки и вставлять туда же. Самолюбие пыталось подсказать мне, что это очень круто – быть мозаикой! но я ответил ему, что скорее это крошки с пола, которые замели в совок и высыпали в ещё не загустевший раствор в той же самой стене. Чтоб не валялись. И то слава Богу сподобиться попасть в этот самый совок!

Отец Валерий задал мне вопрос: «Чем была бы занята моя жизнь без богадельни?» Я и сам уже много раз спрашивал себя об этом. Мой кризис давно наступил и в свои 45 лет я спрашиваю себя: «Для чего я живу?» Ну не ради работы же – она наказание, епитимия. Ну не ради же радостей жизни

– да и они известны заранее, ими пресытилась душа, словно современными продуктами, которые ешь только потому, что нужно что-то есть – без удовольствия, а организм не насыщается, хоть и полон живот. Так и с этим миром – давишься, но ешь, потому что чем-то надо заполнить пустоту в душе...

Смотрели фильм, снятый и смонтированный м.Нинной. Экспромт на экспромте, а сделано так, словно сценарий был написан – чувствовалось Божье присутствие. И, слушая отзывы насельниц о сёстрах, снова рождалось такое обобщающее чувство понимания того, что это за чудо такое происходит в нашей богадельне.

Па-баам! – поздравляю сам себя – вот я и назвал богадельню впервые «нашей»!

В конце занятий старшая сестра Люда Е. сказала, что у нее есть для меня ещё одна бабушка – Зинаида Тимофеевна. Она – учительница, коммунистка, умная женщина, но это и является для неё препятствием, чтобы исповедоваться и приступить к таинству Причастия. Это странно, но я снова не испытал ни сопротивления, ни смущения. Я просто принял это как есть, сказав, что я готов, если духовник благословляет. Духовник сказал: «Не отказывайся».

Целых три бабушки

21 декабря 2017 г., храм А.Критского, богадельня

Мы зашли к Зинаиде Тимофеевне в палату. Кажется, это была палата, где лежит Павла, но могу и ошибаться – было темно. Кровать Зинаиды была слева от входа. Мы склонились над постелью, глаза немного привыкли к полутьме и я увидел всклокоченные седые волосы, сухощавое лицо, обтянутые скулы и белки глаз, придававшие лёгкое выражение безумия чертам лица, скрытым в темноте.

Людмила, сказала, мол, вот он, Слава, который... эээ... брат. Зинаида Тимофеевна так встрепенулась, услышав это слово, и сказала, что она думала, что я – её брат. Это меня пронзило. Я словно увидел душу, которая, как тот болящий у купели, лежит в метре от исцеляющей поверхности воды 38 лет, не имея человека, но и не теряя при этом надежды.

А разве мы сами не ходим рядом с реальностью Любви годами и десятилетиями, никак не соединяясь сердцем и жизнью с ней, но при этом совершенно законно надеясь, что найдётся человек, который полюбит нас как есть чёрненькими и страшненькими со всеми нашими грехами и недостатками и тем самым погрузит нас в эту реальность.

Люда сказала бабушке, что я ещё приду и буду дружить. И мне захотелось ещё раз прийти к этой душе. А задача, будучи

загружена в сознание, принятая сердцем, уже начала сама решаться, обнаруживая время от времени себя проскальзывающими в уме мыслями: «а можно же сказать то-то и то-то», «можно сказать ей, что и меня мама воспитывала по кодексу строителя коммунизма, который был взят из Библии и практически совпадает с десятью заповедями» ну и так далее...

Так у меня оказалось целых три бабушки: Вера Пампушкина, Зинаида, соседка Веры по палате, которую мне никто не благословлял, но прилепившаяся к моему сердцу нечаянно и Зинаида Тимофеевна – учительница, коммунист и большая умница.

После этого я бодренько, почти с нетерпением пошел в палату к Вере Пампушкиной. Зины, соседки Веры, не оказалось на месте – кровать была расправлена и пуста. От этого стало немного грустно, как тогда, когда не можешь увидеть родного человека.

А Верочка только проснулась и лежала такая хорошенькая, такая славная в своей кроватке. Я склонился над ней и снова она необъяснимым образом показалась мне милой и родной. Я поглаживал и держал её ручки в своих ладонях, поправлял ей волосы и платочек, спрашивал, что ей принести, а сам дивился, как эти «телячьи нежности» могут рождаться в моём грубом сердце к тому же подавленном произошедшей перед сестричеством домашней ссорой?

Реальности любви всё нипочём. Она существует сама по себе, невзирая на все мои грехи и всю мою черствость. Бу-

дучи грешным, по внушению Божьего духа и вопреки своим разуму и сердцу, – люблю! И не просто люблю – обожаю, души не чаю в этом совершенно чужом мне человеке, далёком и по возрасту, и по интересам.

Встреча была недолгой, но наполнила меня чем-то хорошим. На выходе из отделения стояли, беседуя, Люба и Люда В. Люда сказала, что она до сих пор находится под впечатлением нашей прошлой беседы в столовой и уже не смогла читать вечерние молитвы как обычный текст, так глубоко мы копнули в тот раз. Я и сам видел, что с ней это действительно произошло, что ей что-то открылось. Я рад этому несказанно.

«Случайная» встреча

23 декабря 2017 г., храм А.Критского, богадельня

В моём внутреннем мире привычная пластинка «я так занят, как же я могу приехать в богадельню?» нежданно негданно и незаметно для меня самого сменилась на «я так занят, но как бы мне попасть в богадельню?» Планировал посещать богадельню для начала 1 раз в неделю, но... сердцу не прикажешь. А сердце моё рвётся к бабушкам.

Решил сегодня перед храмом заскочить, узнать, по просьбе Любовь Николаевны, секретаря прихода, – увезли ли буклеты в храм Иоанна Милостивого и пообщаться с Зинаидой Степановной, познакомиться и подружиться. И вот я уже в богадельне. Халат надеть снова постеснялся. Переоделся, оставил вещи в сестринской и пошёл по коридору, свернул в снова оказавшуюся полутёмной палату и – сразу налево.

– Здравствуйте, я пришёл к Вам дружить... Вы меня помните?

– А Вы кто такой?

– О, Господи. Это же не Зинаида Степановна! На стене табличка с именем: «Устинья Яковлевна», на койке лежит совсем другой человек... Вот так конфуз! Впрочем, я не долго тушевался. Решил, что раз так вышло само собой, значит это не случайность, да и человека не бросишь, не уйдёшь, не

объяснившись. Начался диалог.

Устинья Яковлевна слышала плохо – отвечать приходилось в самое ухо. К тому же она оказалась практически слепой, не знаю, в полутьме ли это или всегда так, но поначалу это немного облегчило мне задачу, расслабило. Я взял её руки в свои, она удивилась, отчего они такие тёплые... и потёк разговор.

– Вы священник?

– Нет. Брат милосердия.

– Я Вас не знаю!

– А я Вам сейчас всё расскажу.

– А я не знаю, как Вы выглядите!

– А Вы представьте: вот (беру её ладони в свои) моя борода и усы, вот – нос, вот – лоб, вот – волосы, увязанные в хвостик, да, длинные, а глаза у меня коричневые...

Через некоторое время барьер недоверия пройден и Устинья Яковлевна рассказывает о своей жизни, о детстве, юности, наступлении немцев на Горелово, гибели мужа в первые дни войны, о неудачной попытке выехать в эвакуацию, о том, как попала на волховский фронт, о своих фронтовых мытарствах с двухлетним ребенком на руках, об одной пайке на двоих много месяцев подряд. Говорить ей приходится громко, её соседка по палате у меня за спиной вздыхает, чувствую позвоночником – недовольна, но не прерывает её речь.

Устинья рассказывает о своём втором замужестве после войны, о сыне, уехавшем в армию и оставшемся в Архангель-

ске, женившимся там, о внучке, приехавшей с севера снова в Ленинград, о своих сбережениях, на которые была куплена квартира для внучки, о том, как внучка забрала ее к себе, потом продала квартиру Устиньи и, в итоге, положила её в богадельню. Своё пребывание в богадельне она считает несчастьем.

– Докатилась до богадельни, – так она и повторила несколько раз. Я понимаю, что здесь сидит глубокая обида и неприятие и своего нынешнего положения, и тех людей и обстоятельств, которые тому способствовали.

– Какая может быть в старости любовь, только покой или страдание, – неожиданно заявляет она, чем меня очень удивляет – это почти дословно повторённое ей высказывание Сухомлинского, которое приводила в своем отчете наша сестра милосердия Галина С. Звучит разумно, однако что-то в этом есть неправильное – оставляю в памяти пометку задуматься над этим позже.

Спрашивает про меня. Говорит, что я, наверное, молодой. Я себя таковым не считаю, но узнав от Устиньи Яковлевны, что ей уже 104 года, говорю, что по сравнению с ней я вообще – мальчик. Подумать только, 104 года! И такая разумность.

Спрашивает про детей. Про себя говорить неинтересно, что немного странно для такого закоренелого эгоиста, как я. Хочется больше узнавать другого человека, открывать его вселенную для себя. Такое чувство, будто движешься, и за

каждым поворотом возникает новый поворот и горизонт раздаётся вширь и открывается образ и путь жизни другого человека, о котором ты полчаса назад не имел ни малейшего представления, пока не свернул по ошибке не в ту палату.

Наконец мы проваливаемся в реальность под названием Любовь. Я это ощущаю по изменившемуся визуальному ряду, глаза наполняются влагой, готовые и плакать и смеяться одновременно, а сердце – покоем и принятием всего окружающего. В этом состоянии уже не нужно говорить ничего, но Устиния продолжает рассказывать. Она так напрягает горло, что я начинаю волноваться, как бы она не охрипла после столь длительного монолога. Прикасаюсь к её горлу, хочется, чтобы любовь исцелила все её раны и взвалила на себя все её немощи. Разглаживаю волосы. Она придвинулась к самому краю постели, я же, утомившись за первые полчаса стоять полусогнувшись, взял в коридоре стул и присел возле неё.

Когда забирал стул из коридора, отметил ещё одну интересную особенность – **неотвлекаемость**. То есть я помнил, что есть соседка за спиной, которой мы мешали своим громким диалогом... и в коридоре, я отметил, тоже кто-то был! но эта поглощенность и сконцентрированность на другом человеке, не давала вниманию перескакивать с предмета на предмет, как это происходит в обыденной жизни. Всё моё существо пребывало в некоем пространстве, центром которого была наша с Устиньей Яковлевной **связь** – очень креп-

кая, буквально ощущающаяся упругой.

В своем ограниченном жизненном опыте я могу подобрать только одну аналогию происходящему – общение со старцем о.Иоанном Мироновым – когда с ним общаешься, кажется, что весь мир отодвигается, тускнеет и блекнет и что всё внимание о.Иоанна отдано только тебе, что он на все 100% поглощен только твоими проблемами. Отец Валерий рассказывал, вспоминая, что о.Иоанн Крестьянкин тоже встречал любого незнакомого человека так, словно с нетерпением ждал его много лет подряд. Вот и здесь с нами происходит нечто подобное.

Придвинувшись к Устинье поближе вместе со стулом, я приблизил своё лицо почти вплотную к её лицу; чувствую её подвижные гибкие руки в своих руках... Мы как две закадычные подруги... нет, я как Иоанн Богослов на персях у Христа – пристально внимаю происходящему с нами...

В коридоре раздаётся шум, голоса и в палату входит Марина К. – её густой баритончик не спутаешь ни с чьим голосом. Не вижу её, но чувствую – происходящее в палате задевает её за живое, однако, вместо того, чтобы тоже погрузиться с нами, присоединиться к происходящему, она выхватывает телефон и пытается запечатлеть в этом мраке то, что её так поразило. Слева и справа от нас 5-7 раз раздаётся щелчок затвора, вспышки света озаряют лицо насельницы, я понимаю, что кульминация встречи пройдена и начался этап завершения.

Фотографирование меня несколько не смущает и не нарушает родившейся взаимности, но возникает некоторое сожаление, ибо любовь нельзя понять и удержать, разложив на составные части, а возможно только в ней быть, в нее погрузиться, приняв её целиком. Но я в принципе рад, что Марине также что-то досталось...

Позже, в машине, по дороге на всенощную мы обсуждали с ней открывшееся нам, мы с Лю предположили, что это происходит с сёстрами из-за обета. Марина сказала, что и у неё, несмотря на отсутствие обета, бывают проблески подобного. Думаю, послушание – это ключ к происходящему. И молитвы духовника, конечно. Мы пустое место без этого.

Взгляд со стороны

23 декабря 2017 г., дом семьи Сорокиных

Вечером, когда Марина прислала мне вКонтакте три наши с Устиньей фотографии, я написал ей:

– Что ты такого увидела? Почему вдруг стала фотографировать? Что тебя зацепило?

– То, с какой любовью и лаской Устинья Яковлевна к тебе отнеслась, как сыночком нарекла. Как им, бедным старикам, необходимо внимание. Каково это – пережить своих детей...

– Ну её сыну-то было 70 лет – это немалый срок! И не каждому столько жизни даётся прожить. А внимание нужно любому. И мне. И тебе. Без внимания и любви человек вянет и засыхает, как цветок без влаги.

– Ну вот у вас и было взаимное общение в любви, очень трогательно. А что касательно возраста детей... – его нет. Для матери и 70-летний остаётся все-равно маленьким сыночком, да и что наши года?! Я вот стою перед бабушкой, губки надуваю, капризничаю, чуть ли не ножкой топаю, и понимаю, что мне даже не 18, а все 5.

Спроси любого старика, верит ли он, что ему столько лет? И любой ответит: «Нет, не верю!» Жизнь пролетела незаметно, а у души нет возраста.

– Ты права, Марина. Вставлю твои золотые слова в свой

братский дневник!

Для себя отмечаю, что происходящее нельзя назвать моей единоличной фантазией, так как даже такой всегда критично настроенный человек, как Марина К., свидетельствует о подлинности моего опыта.

Осмысление

23 декабря 2017 г., дом семьи Сорокиных

Отметил, что некоторые действия я выполняю под копирку с отцом Валерием, но при этом они доступны осмыслению, наполняются моим личным опытом и пониманием.

Например, то, как я смотрел на Устинью было, – я внезапно осознал, – полной копией того, как о. Валерий смотрит порой на нас. Теперь я воспринял, наконец, что он смотрит на нас из реальности Любви. Умом я и раньше это понимал. Но теперь осознал изнутри, пропустил через себя, прожил, как личный опыт.

Или, когда я сказал Устинье на её замечание, что она не знает, кто такая Марина:

– Это – наш новый повар. Теперь у вас всегда будет вкусно приготовлено, потому что Марина всё, что делает в жизни – делает с душой. И это было сказано мной в интонациях нашего духовника и не было неправдой, а было, – как бы точнее выразиться, – взглядом поверх земного человека на всё то лучшее, что в нём есть и чем он может с Божьей помощью стать. Ранее мне не был доступен подобный взгляд на другого человека.

Или вот ещё пример: когда Марина напомнила, что пора уходить, я сказал, мол, Устинья Яковлевна, Вы меня отпус-

каете? И сделал это не из соображений этикета, хоть и много раз до этого я в точности повторял этот оборот речи за о.Валерием и о.Алексеем К. (думаю последний тоже научился этому от своего благочинного), просто потому, что он мне по форме нравился, отдавал стариной и чем-то ещё неуловимым... А в этот раз я сказал эту фразу осмысленно, так как прекратить возникшие отношения нужно было не резко и не грубо, но по взаимному согласию и добровольно. Впервые эта фраза наполнилась для меня подлинным смыслом, внутренним содержанием.

Кстати, слепота Устиньи Яковлевны, которая на первых порах общения помогала мне лично не смущаться, потом стала помехой в том смысле, что сильно захотелось видеть её глаза, живой отклик в них, а в конце встречи стало уже всё равно, потому что уже не понимаешь, чем ты смотришь – глазами ли, сердцем ли и что именно ты видишь – телесную оболочку или душу близкого человека.

* * *

Распрощавшись, мы вышли в коридор и добрались до столовой. Сёстры нарядили ёлку, атмосфера была праздничная. Кроме нас в помещении были насельницы монахиня Александра и Вера Пампушкина. Марина и Люда и о монахине и о Верочке, высказывались хоть и по доброму, хоть и с улыбкой, но столь свысока, что это резало моё сердце, словно ножом. Так и хотелось сказать: сёстры, дорогие, неужели вы

не видите, кто перед вами – что это за чудесный и милый человек и как вы кривите душой, вредите себе, отвергаясь Любви, возвышая себя и принижая Истину того, что человек, стоящий перед вами – бесценен, уникален и бесконечно дорог Богу и потому, через это – дорог нам, мне лично.

По опыту я знаю, что такие высказывания ни к чему хорошему не приводят. Мало знать в глубине какую-то непреложную истину, недостаточно чувствовать её сердцем, нутром. Нужно сделать эту истину частью своей жизни, провести её до самых материальных составляющих своего существа – сделать естественной частью себя... и только так возможно что-то донести до другого. Это длинный путь, недоступный гордости, но нетрудный для Любви. Именно так и доносит о.Валерий до нас то, что считает важным.

Я, конечно же, промолчал. Ведь смысл происходящего – увидеть в себе то же самое отношение к людям. Спасибо, Господи, что открываешь мне мою немощь посредством сестёр!

* * *

Через два часа, на Богослужении в храме И.Милостивого я перевариваю и усваиваю этот богадельничный опыт, словно после какого-нибудь тренинга-интенсива, вот только разница в том, что на мирских тренингах произошедшее доступно уму и чувствам и ты перепроживаешь, осмысливаешь, структурируешь этот свой опыт заново. Происходящее

же в богадельне не доступно моим чувствам, лежит за пределами моих рецепторов и моих возможностей восприятия. Сердцу достается тихая радость, лицу – улыбка, чувствам – покой. Но это всё побочные эффекты, а вот происходящее в глубине остается для меня незамеченным. Однако душа этим наполняется, научается и насыщается. Незримо.

И снова сам собой пишется дневник. И снова на сердце радостно.

Делиться любовью

25-26 декабря 2017 г., храм А.Критского, богадельня

Люба почитала мой дневник и сказала:

– Я тоже хочу, как Устинья Яковлевна!

– Что именно? Лежать в кровати целыми днями?

– Нет, чтоб ты смотрел на меня так же, как на неё!

Делаю большие круглые глаза...

– Ой! Перестань, детей напугаешь!

Конечно, разве можно подделать действие благодати? Или прикинуться любящим? Обман тут же будет раскрыт.

* * *

Сегодня я сильно недомогаю. Повысилась температура, гнойные пробки в горле и проч. Однако предстоящее мероприятие не даёт возможности отлежаться. Заехал в богадельню буквально на минутку, чтобы забрать свой белый халат с нашитым красным крестиком на кармане – едем на север города с визитом в сестричество о.Сергия Филимонова.

Сестры встретили приветливо. Приятно чувствовать себя в богадельне немного освоившимся. На пороге 3-го отделения стоит Саша П. в зеленом платочке кандидата в испытуемые. Отрадно видеть её здесь, с нами. Она талантливая, живая и большая умница и мы ещё все будем вдохновляться

её полётом. На заднем плане в самом конце коридора у раскрытых дверей палаты на полу стоят пустые санитарные носилки.

– Что-то случилось?

– Насельница Ирина умерла...

Жизнь и смерть в богадельне соседствуют очень тесно.

Зашел к назначенной мне Зинаиде Тимофеевне – она спит с приоткрытым ртом. Посмотрел, наконец-то, на её лицо при свете дня. Постоял немного. Пошёл к Верочке Пампушкиной. Уселся на горшок, и смотрю на неё.

Верочка старательно занимается инвентаризацией своей тумбочки. Вытаскивает из ящичков разные вещи и предлагает по очереди мне. Она как ребенок, но ее нестяжательность и готовность раздать все – поражает. Смотрю на все это и становится стыдно за собственное неправильное отношение к вещам. А вот у Верочки оно правильное. Она понимает, что копить бессмысленно, и всё готова отдать. У бабушек, оказывается, можно многому поучиться. Они уже не зацеплены так за мир, как мы, многие желания и страсти в этом возрасте естественным образом затихают. Не исключаю, что я ещё переменю это своё мнение, побольше узнав их.

Снова появляется Ира Ф. это уже не случайность. Она в свойственной ей манере выражает недовольство тем, что мы с Верой едим круассаны, найденные в недрах её тумбочки. Аргументирует, вроде всё разумно, но душа не соглашается с подобным отношением. А чего я от нее хочу? Мягкости?

Так её во мне тоже отродясь не бывало. Вежливости? Внимательности? Или мне следует выработать какое-то отношение к происходящему? Нужно будет задать вопрос об этом духовнику...

* * *

Вечером на машине едем с сестрами в Державную. Я за рулём. По дороге читаем акафист св.Николаю. По приезде в храм читаем акафист Сергию Серебрянскому, точнее то, что нам от него осталось – последний икос. Так хорошо среди близких по духу людей.

Приехали, когда все уже были в сборе и шёл молебен с акафистом. Опоздали мы аж на целых сорок минут. Отец Валерий бросил на нас первый суровый взгляд, потом, чуть позже – второй – помягче... третий брошенный на нас взгляд был ещё теплее. Чувствуется, что идёт внутренняя работа. Научиться бы так же – хотя бы сгладить последствия, если не могу их предупреждать.

В большом зале для нас были накрыты столы. Отец Валерий, сидя под огромной величественной иконой Державной Божией Матери, зачитывает свой доклад о Диалоге Любви. Заметно волнуется. Доклад звучит свежо и жизненно, чувствуется живой интерес сестёр другого сестричества.

Потом зачитывали Любин дневник, доклад Людэ Е. и стихи Гали С. В конце показали на большом экране фильм-интервью с насельницами, снятый м.Ниной. На большом

экрane еще глубже проникаешься богодухновенным смыслом сестрического пути, точнее понимаешь, зачем нужны встречи с насельницами. Это, оказывается, необходимо обоим: и сестре, и насельнице.

* * *

На следующее утро мама и младший брат привычно переругиваются на кухне. Пытался было как обычно присоединиться к ним, но... сформировавшийся в богадельне некий островок позитивного опыта не дает погружаться в повседневное болото. Такое чувство, словно под ногой в трясине появилась опора. И пережитый опыт напоминает о себе, оглядываясь на пережитое вчера в богадельне, и не хочется жить, как прежде. Хочется быть иным... По-Божьи устроенным. Ну хоть немного.

Всесилие любви

28 декабря 2017 г., храм А.Критского, богадельня

Перед занятиями, ещё на сестринском молебне, надел на себя врученное мне при посвящении братское облачение. Почувствовал сразу, словно тонкая и плотная броня, доспех, покрыл меня со всех сторон. Сразу отступили тяжёлые чувства, которые, как голодные звери, ходят вокруг меня уже который день.

Сегодня, сразу после сестрических занятий, иду к бабушкам с опаской, так как, во-первых, продолжаю недомогать и, во-вторых, помню свой последний слабый, можно даже сказать неудачный, опыт. Неудачный он потому, что не произошло самого главного – Диалога Любви.

Верочка Пампушкина на месте. Я видел её ещё до занятий и перекинулся несколькими фразами. Она пребывает в своей стране детства и такое чувство, что вокруг неё порхают бабочки и светит солнышко. Говорят, за сиротами Бог присматривает особо и горе тому, кто обидит сироту.

А у меня в жизни был такой эпизод: я очень сильно ранил сердце одной сироты и расколотил об пол у неё на глазах дорогую её сердцу вещицу, доставшуюся ей от отца. С тех пор, сколько я ни исповедовал этот свой грех, боль и горечь от этого поступка меня не оставляют. Один раз в магазине

я услышал, что девушка сказала продавщице, что она – сирота, и я хотел подбежать и заплатить за нее, т.к. там были какие-то проблемы с оплатой, сказав, что я так рад, что могу хоть как-то поспособствовать сироте, искупив свой грех, совершенный в юности. А может быть Вера Пампушкина и есть та самая сирота, которую мне послал Господь по моим немым просьбам?

Пошел к Зинаиде Тимофеевне. Этот мой третий заход опять оказался неудачным. Она снова безмятежно спала. Ну и ну! Как тут будешь выполнять послушание? Впрочем, как Бог даст.

Зашел в соседнюю палату к Устинье Яковлевне – она тоже спала. Наконец-то разглядел её соседку – довольно стройная старушка с вытянутым страдальчески-тоскливым лицом, укутанная в халат красного цвета, украшенный орнаментом с какими-то странными насекомыми – помесью жука и Божьей коровки. Это она стоически терпела тогда наши громкие разговоры с Устиньей.

– Здравствуйте! У Вас ножки не мёрзнут?

– Конечно мёрзнут.

– Ну так давайте я укурую Вас одеялком...

– Это не поможет, – с драматическим выражением лица говорит она, – тут ведь так накидывают оттуда, так накидывают, словно я по колено в земле, да не просто в земле, а в сырой, мокрой земле...

Образно говоря, это действительно так, учитывая её по-

ченный возраст. Впрочем, начинаю понимать, что насельница дементная, если не хуже. У меня нет специально медицинского опыта, чтобы профессионально определить это по каким-то признакам. Снова по сердцу пробегает лёгкий холодок и замешательство – то ли я делаю, туда ли лезу? Решаю, что надо попробовать найти хоть какие-то точки соприкосновения. В уме начинает крутиться Иисусова молитва.

– Как Вас зовут? – спрашиваю, а сам разминаю ей ступни, на которые уже надеты как минимум две пары носок. Снова хочется согреть её теплом своего сердца, своих рук. Какая-то часть меня скептически смотрит и даже комментирует то, чем я занимаюсь.

– Ну что ты творишь?

– А что я ещё могу делать. Хоть какой-то контакт с насельницей – настоящие живые пальчики под моими руками. Вдруг согреются?

– Это у тебя нервное, – ругается мой внутренний скептик.

– Конечно нервное. Мне, честно говоря, страшно и подойти к её унынию, потому что я со своим-то не знаю, что делать! А оно у неё, минимум, десятилетней выдержки.

– Щекотки не боитесь? Щекочу её...

– Нет. А вот эта, как её...

Понемногу диалог налаживается. Мне, пусть и с большим трудом, удаётся кое-что узнать. Её имя – Тамара Григорьевна. Казённая табличка над кроватью, где стандартно указываются ФИО насельницы, почему-то отсутствует. У неё есть

дочь – Наташа. Есть ещё какая-то соседка, весьма негативная. Сознание её путается, подолгу выискивает слова, чтобы описать то, что она пытается, но уже не может уловить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.